

Больше союзов — хороших и разных!

О стратегических перспективах ЕврАзЭС, его институциональном капитале в контексте современной финансово-политической ситуации в интервью журналу «ЭС» рассказал заместитель председателя Совета по изучению производительных сил Минэкономразвития России и РАН, генеральный директор ООО «Венчурная компания Центр инновационных проектов ЕврАзЭС» Дмитрий Аркадьевич Митяев.

Насколько реальны для выполнения поставленные В.В. Путиным задачи повышения доли высокотехнологичных производств в 1,5 раза, двукратного роста производительности труда, повышения реальной зарплаты в 1,6–1,7 раза?

Это прежде всего вопрос методики счета: что считать высокотехнологичным рабочим местом? Все, что выше средней технологии (а производственная база у нас сильно устарела, если брать в среднем)? Или то, что можно отнести к новейшему технологическому укладу? Если считать в соответствии с первым методом, то и сборочно-отверточные производства вполне производительны и прогрессивны. А если в соответствии со вторым, то почти все придется создавать заново, так что рост тут возможен и в полтора, и в три, и в десять раз. Мы знаем примеры из собственного и мирового опыта, когда целые отрасли создавались путем концентрации усилий на «больших проектах» (авиационный, атомный, космический и др.). В таких новых отраслях речь идет о росте производительности также в разы за счет применения новых принципов обработки и вещества природы (например, применение нанофабрик для получения композитных материалов с несуществующими в природе свойствами — наноуглерод, углепластики и пр.). Ну а рост «средней температуры по больнице» не так важен.

Уже сейчас Россия со среднедушевым доходом в 13 тыс. долларов в год по текущему курсу (почти 20 тыс. долларов по ППС) могла бы относиться к среднеразвитым странам, приближаясь к уровню ОЭСР, если бы не тот чудовищный, неприличный уровень дифференциации доходов в социальном и региональном разрезе, который мы имеем. Ведь второе (если не первое) место Москвы в мире по миллиардерам не дается даром — оно оплачено отставанием зарплаты и опережением уровня цен для большинства

наших граждан. Нужно ли гордиться тем, что по последним данным 12 наших соотечественников вошли в мировую «золотую сотню» журнала «Форбс»? Не являются ли эти 12 процентов оборотной стороной того, что доля России в мировой инновационной продукции составляет менее 1 процента? Социальное (разрывы в уровне жизни в несколько порядков) обуславливает экономическое (темпы роста, зависимость от сырьевой конъюнктуры). Рентное, монополистическое поведение пронизывает наш социальный организм и по горизонтали (самый мелкий чиновник или служащий крупной компании стремится «кормиться от места»), и по вертикали.

В годы ускорения и перестройки это называлось «механизм торможения». Но я бы отметил, что такое рентное (по сути — паразитическое) поведение сегодня присуще не только нам, «дорогим россиянам», но и западным банкирам, чиновникам и политикам.

В мире уже два поколения подсело на «иглу» потребительского кредитования, одноразового и краткосрочного использования материальных и информационных благ, проедания запаса прочности природы и общества. Как ни отсрочивай час расплаты, за это придется дорого заплатить эмиссией валют и обещаний.

Потому и нам, и другим странам (даже самым развитым, как они сами себя называют) придется менять «движок» (модель) социально-экономического развития. Хорошо, что это начинает понимать политическое руководство, ставя серьезные цели. Но под такие цели надо менять всю систему исполнения, налаживать стратегическое управление развитием и стратегический контроль. И это тоже «высокие технологии», но уже в сфере государственного управления. Ими надо овладеть до того, как придется реагировать на неизбежные процессы саморазрушения старой модели.

Практически везде на постсоветском пространстве государственно-политические системы приобрели этнократический характер. Предусмотрен ли какой-либо механизм баланса «этноинтересов» в рамках ЕвразЭС?

В современном мире происходит «дробление» больших пространств — количество членов ООН непрерывно растет. Этнократия — удобная «ширма» для глобального управления, разжигание этнических страстей (как мы видели в бывшей Югославии, видим сегодня на Ближнем Востоке и в Африке) отбрасывает страны на годы и десятилетия назад, воспроизводя тот «управляемый хаос», который подпитывает любых фундаменталистов — от исламских до либеральных. Поэтому большие

Нужно ли гордиться тем, что по последним данным 12 наших соотечественников вошли в мировую «золотую сотню» журнала «Форбс»?

макрорегиональные образования стремятся преодолеть этнократию двумя путями: 1) наращивая полномочия и силу центральной (наднациональной) бюрократии (например, в Брюсселе); 2) формируя надэтническую идентичность (Депардьё, например, назвал себя гражданином мира и новым европейцем).

Что касается ЕвразЭС, то мне представляется, что есть три пути «снятия» национального эгоизма: использование потенциала общего прошлого (культура, язык, общая история, география и пр.), использование образов и потенциала общего будущего (формирование общего рынка и в перспективе — Евразийского союза), поиск компромиссов в настоящем.

Например, Россия пошла на серьезный компромисс по вопросам принятия решений в Евразийской экономической комиссии («одна

страна — один голос»), несмотря на очевидную разницу экономик, размера территории и населения. Выиграла ли Россия от этого стратегически — увидим в ближайшем будущем.

После распада СССР в некоторых странах бытовало мнение, что ранее угнетавшая их Россия должна в качестве компенсации экономически поддерживать проводимые после краха социализма преобразования. Все это ставило под сомнение искренность деклараций о готовности к интеграции в экономической сфере. Какова ситуация сегодня?

Думаю, в целом «пыль улеглась». Даже украинцы, не согласные с заключенными правительством Ю. Тимошенко газовыми конт-

рактами с Россией, заверяют, что будут их неукоснительно выполнять (пока не добьются изменения условий), хотя платить за недобыбор газа, конечно, не хотят. Недавно «Газпром» выставил им счет на 7 млрд долларов за нарушение условий контракта в 2012 году. В рамках Таможенного союза Россия пошла на продажу энергоресурсов практически по внутренним ценам, и, хотя возникают свои проблемы (так, Беларусь резко нарастила реэкспорт нефтепродуктов под маркой «растворителей»), процесс притирки все же идет. У нас нет проблемы нехватки ресурсов, у нас (у всех постсоветских республик) есть проблема крайней энергорасточительности. Наши системы ЖКХ сделаны по одной модели и имеют одинаковый (запредельный) износ. И хотя модели действительно несколько разнятся, технологическая и кадровая база сходна, если вообще не единая (как в энергетике).

Решать такие проблемы лучше (дешевле, быстрее) сообща. Это уже осознали три страны, входящие в ТС и ЕЭП, — Беларусь, Казахстан и Россия начали гармонизацию своей энергетической, финансовой и торговой политики. Возможный эффект от этого (плюс от возможного присоединения к ним других стран, прежде всего Украины) посчитан учеными национальных академий наук. Если верить расчетам академиков Ивантера и Гееца, он весьма велик. Но мы ведь не одни на планете, наши страны попадают в орбиту иных интеграционных объединений. Украина ждет приглашения, чтобы стать ассоци-

бывших прибалтийских республик) уже не смогут отказаться от двадцатилетней интеграции в структуры ЕС и НАТО, время от времени выдвигая финансовые претензии за годы «советской оккупации». Но в турбулентном, стремительно меняющемся мире находятся и новые страны, готовые образовать с нами зоны свободной торговли (от Сербии до Вьетнама).

Интеграция тогда является необратимой, когда ее «выгодоприобретателями» становятся не только элиты, но и предприятия, и граждане. Поэтому важно ценить (и корректно оценивать) «институцио-

нализация». Кто его ввел, уже не вспомню, может, Михаил Делягин? Разбегание стран, штатов, классов и социальных страт является, увы, фактом. «Европа разных скоростей», «вымывание среднего класса», «финансовые репрессии» — есть много терминов и процессов в современном мире с его «новой нормальностью» (как это назвал Б. Бернанке). Вопрос тут один: этот «прекрасный новый мир» бесконечно растущих рынков, отрицательных реальных процентных ставок (то есть дармовых денег) в развитых странах навсегда? Или это всего лишь муляж, мираж в пустыне обанкротившейся кредитно-потребительской модели, которая была внедрена от Вашингтона до Пекина средствами неолиберальной революции в финансах и политике?

Подсадив страну на импорт критически важных вещей (лекарств, отчасти продовольствия), теперь можно пугать обывателя потерей привычного комфорта, который и так рухнет вместе с падением цены на нефть.

рованным членом ЕС, Казахстан охотно сотрудничает с Турцией в рамках пантюркизма. А есть еще ШОС, АСЕАН, БРИКС... Так что остается только радостно воскликнуть: «Больше союзов — хороших и разных!» Придется выбирать. Один из вариантов будущего мироустройства предполагает распад глобальной торговли на несколько валютно-торговых зон. В этом варианте будущего победит тот, кто сможет защититься от внешней турбулентности и укрепить свой институционально-технологический фундамент.

Искренность интеграционных устремлений проверяется в условиях, когда без партнера проигрешь быстрее; когда рынки, технологии и кадры «соседа» добавят тебе «стратегической глубины», без которой до твоих «ближних рубежей» конкурентоспособности рукой подать. Хотя, конечно, некоторые страны (типа наших

нальный капитал» интеграции — намытые в совместной работе «золотые крупинки». К ним относятся простые и практичные вещи — единые технические и таможенные регламенты, правила единого регулятивного и информационного пространства и пр. В современном мире правят стандарты, даже не технологии.

Постоянные информационные «вбросы» о возможном развале еврозоны в ближайшее время по причине дефолта ряда «слабых стран», входящих в ее состав, и рассуждения о развале США по причине выхода «слабых» (дефолтных) штатов предполагают некие сценарии развития. Уже сегодня некоторые мировые рынки находятся на стадии реинтеграции. Нет опасений по поводу сбоя в системе евразийской интеграции?

Так реинтеграции или дезинтеграции? Есть такой термин — «гло-

К сожалению, правильный ответ на этот вопрос мы сможем узнать слишком поздно — когда или экспонента госдолга перерастет в гиперболу бегства от мировых валют (гиперинфляцию), или, напротив, интеграционные объединения типа ЕС, НАФТА, МЕРКАСУР и АСЕАН вытеснят «вольницу» нынешней глобальной торговли, которую регулируют (через цены и подконтрольные биржи) нынешние регуляторы мировой финансово-экономической системы — мегабанки типа Goldman Sachs, Citi, J.P. Morgan, а также прикнущившие к ним ФРС, ЕЦБ и т.д.

Ответ на этот вопрос жизненно важен и для нашего еще хрупкого и очень незрелого интеграционного объединения! Сбой в интеграции на постсоветском пространстве тем более возможен, что бывший госсекретарь Х. Клинтон и многие вслед за ней считают такую реинтеграцию недопустимой политической выходкой.

Поэтому так важно создание системы стратегического планирования и управления евразийской интеграцией, моделирование разных сценариев мирового развития и возможных угроз.

Для России высокий или низкий курс доллара означает, во-первых, стоимость нашей нефти за рубежом (и соответственно уровень доходов бюджета) и, во-вторых, уровень цен на зарубежные товары. Чего стоит ждать от отрицательной динамики доллара?

Когда все развитые страны «расчехлили печатные станки» и участвуют в гонке девальваций (иена, например, за два месяца упала к доллару и евро почти на 20 процентов), Россия и другие страны с положительным сальдо торгового баланса имеют выбор: или наращивать свои ЗВР, препятствуя излишнему укреплению национальной валюты и сохраняя уровень конкурентоспособности своих производителей, или «отдаться на волю волн» и допустить укрепление валюты и приток спекулятивного капитала. Россия в последний год шла по второму пути. Рубль укрепился в реальном выражении на 15 процентов, но капитал (в виде прямых или даже портфельных инвестиций) не притек. Напротив, вывоз капитала усилился.

Чем же объясняется этот феномен «двойного проигрыша» страны в валютной войне — и по потокам капитала, и по росту импорта товаров, услуг, потере конкурентоспособности? Наши правозверные монетаристы объясняют, что «крепкий рубль» способствует технологическому импорту и что, дескать, если позволить ему девальвировать, то на улицу «выйдут бабушки», так как они покупают импортные лекарства, которые подорожают.

Где же эти прекрасные новые заводы, если так выгоден импорт технологий? Их нет, а есть лишь отверточная автосборка и невыполнение обязательств по локализации со стороны автоконцернов: зачем локализовать, если постоянно дорожающий рубль позволяет завозить китайские и турецкие комплектующие со все большей выгодой. Подсадив стра-

ну на импорт критически важных вещей (лекарств, отчасти продовольствия и проч.), теперь можно пугать обывателя потерей привычного комфорта, который и так рухнет (рано или поздно) вместе с падением цены на нефть.

Результат подобной валютной политики прост: если ЗВР за 2012 год практически не выросли, то внешние долги наших компаний выросли почти на 20 процентов. И теперь мы еще более уязвимы, чем в 2008 году: тогда ЗВР покрывали все долги, теперь долги (около 640 млрд долларов) на сто с лишним миллиардов долларов превышают ЗВР. Когда коммерческий банк допускает такую «отрицательную открытую валютную позицию», наш ЦБ стоит на страже и применяет санкции.

Увы, к самому ЦБ (и стране в целом) санкции может применить только глобальная нестабильность. Наши центробанкиры опять будут удивляться и стенать: как это мы проглядели, как не подготовились? Не к тому готовились и не туда глядели: хотели быть «лучшим учеником» в классе с устаревшими учебниками, в которых — бесконечная «борьба с инфляцией». Это имеет отношение и к евразийской интеграции. Если бы мы во внутренних расчетах в рамках СНГ и при расчетах за наше сырье на мировых рынках своевременно активно переходили на рубль (скажем, через валютные свопы, как это делают китайцы), спрос на него был бы гораздо более стабильным, и в случае падения цен на нефть и другое сырье мы смогли бы демпфировать шоки для бюджета и экономики.

В стратегии развития ЕвразЭС наблюдается существенное усиление азиатского акцента. Чем обусловлено смещение центра мирового хозяйства в Азиатско-Тихоокеанский регион?

Мой коллега А. Айвазов, вслед за западными исследователями, считает, что мир переходит к фазе «азиатского цикла накоп-

ления капитала» и что эра англосаксонского капитализма проходит. Как не относиться к этой гипотезе, факты свидетельствуют о том, что страны АСЕАН (в отличие от России) извлекли уроки из кризиса 1998 года, когда каток девальваций и дефолтов прокатился и по ним. К кризису 2008 года они пришли с гораздо более крепкими экономиками и финансовыми системами. Темпы роста в Азии (не только в Китае) в 3–4 раза превышают темпы роста в Старом свете и США.

Это большой вопрос: как нам и ЕвразЭС в целом построить свою политику по отношению к Азии, и прежде всего к Китаю? Есть даже горячие сторонники «Новой Орды» (А. Девятов, например), то есть восстановления единого рынка (если не союза народов) от Шанхая до Урала. При различии численности населения в России и Китае на порядок, а также при разнице в темпах роста (2–3 раза) построение любых геополитических и геэкономических конструкций с опорой на наших восточных соседей — непростая задача.

Один из главных дисбалансов современного мира (по оси «Запад — Восток») наряду с дисбалансом «долги Запада — накопления Востока», безусловно, есть неравное распределение экономической власти: если «контрольный пакет» мировой фабрики уже крепко держит Азия, то «контрольный пакет» в мировой финансовой системе еще более цепко держит Запад. Отсюда соблазн использования печатных станков, экспорта инфляции, попытки «опрокинуть Китай» (как в свое время Японии) через ревальвацию.

Если проблема дисбаланса не будет решена путем переговоров и создания более справедливой мировой финансовой системы и системы глобальной торговли, то распад на валютно-торговые зоны может стать реальностью. ■

ПЭС 13020/29.01.2013